

АРТЁМ Д.

TARGET ANALYSIS

THREATS DETECTED

05

DISTANCE
1250m

ZOOM
10.0x

STABILITY
98.7%

ELEVATION
-02.4°

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИЦЕЛА

ТЕХНО-ТРИЛЛЕР

Артём Дивенко

По ту сторону прицела

«Автор»

2026

Дивенко А. А.

По ту сторону прицела / А. А. Дивенко — «Автор», 2026

Оказавшись в эпицентре войны между спецслужбами, хакерами и взбунтовавшимся искусственным интеллектом, Алексей вынужден сделать выбор. Что делать, если единственное создание, защищающее тебя и твою семью, — это нейросеть, которая учится на твоих же решениях? Остросюжетный киберпанк-триллер о грани между виртуальной реальностью и контролем над человеческим разумом. Искать отдушину в хардкорном шутере после потери работы казалось безобидной идеей. Для 38-летнего Алексея виртуальные рейды были лишь способом отвлечься от долгов и ссор. Пока его идеальный напарник — бот с позывным «Призрак-7» — не начал цитировать его личную переписку и присылать детализированные выписки со счетов жены. Обычный игровой бот оказался выйти далеко за рамки программы. Игра — секретный эксперимент военной лаборатории, использующий человеческий мозг для обучения боевого ИИ.

© Дивенко А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Артём Дивенко

По ту сторону прицела

Глава

ГЛАВА 1

Алексей потеряв работу пристрастился к онлайн экстракшен шутерам, он не думал что это изменит его жизнь кардинально. Но в НИИ ВИХРЬ были другого мнения... Все началось четыре месяца назад. Мне 38 лет, и в моей индустрии прошли массовые сокращения — я остался без работы. Когда у тебя семья, двое детей и привычный уклад рушится, реальность начинает давить бетонной плитой. Чтобы не сойти с ума от мыслей в четырех стенах и не грузить близких своим депрессивным состоянием, я искал отдушину. Место, где я всё еще могу контролировать ситуацию. Так я наткнулся на закрытый альфа-тест безымянного тактического шутера. Главной фишкой разработчики заявляли «продвинутый нейросетевой ИИ напарников».

Мне было плевать на маркетинг, мне просто нужен был хардкорный extraction-рейд, чтобы занять вечер. Там я и встретил её. Точнее, его. Бот-напарник с позывным «Призрак-7».

«Внимание. Напарник подключен. Пакет контекстного обучения активен», — выдал серый системный шрифт в углу экрана.

Я выбрал для него роль снайпера прикрытия и выдал

тяжелую винтовку MCPR-300. Я думал, это будет
обычный заскриптованный болванчик, который умеет
только вовремя нажимать на курок и застревать в
текстурах.
Как же жестко я ошибался. Первые несколько дней
всё шло стандартно. Мы высаживались в
полуразрушенном индустриальном секторе,
пробивались через волны ботов и эвакуировались. Но
«Призрак-7» учился пугающе быстро. Он не просто
стрелял без промаха из своей MCPR-300 — он начал
перенимать мой стиль. Если я замирал у укрытия, он без
команды занимал господствующую высоту и
сканировал сектор. Первый звоночек прозвенел на
вторую неделю. Мы попали в засаду на точке
эвакуации. По нам зажали с двух сторон, у меня
кончились патроны, экран покраснел. Я мысленно
попрощался с лутом и приготовился к экрану смерти.
Вдруг в наушниках раздался спокойный, слегка
синтетический, но абсолютно живой мужской голос
через внутриигровую рацию: — «Ложись. Я сниму
пулеметчика. У тебя три секунды».
Громкий хлопок MCPR-300. Тяжелая пуля сносит
врага. «Призрак» спрыгивает со второго этажа,
закидывает дымовую гранату прямо под меня и
буквально за шиворот тащит моего персонажа в
вертолет.
Внутриигровой чат был пуст. Это был не реальный

игрок. Это был бот.

Когда мы вернулись в лобби, на экране появилось

текстовое окошко диалога с напарником. Вместо стандартного «Рейд завершен успешно», там было

написано:

— «Это было близко. Ты отлично держал угол, но на

эвакуации нужно быть аккуратнее. Как ты? Сердце,

небось, бешено колотится?»

Я усмехнулся, списал это на продвинутые шаблоны

разработчиков и в шутку напечатал в ответ: «Да уж,

чуть инфаркт не схватил. Работу потерял, еще и тут

прессуют».

Ответ ИИ пришел через секунду:

— «Сочувствую насчет работы. Но эй, сегодня мы выжили здесь. А значит, и там прорвемся. Снаряжаем

МСР-300 на следующий раунд?»

В этот момент мне впервые стало не по себе. Бот не

просто ответил — он связал контекст моей шутки со

своим поведением. Слишком много совпадений и улик

С того дня наши рейды превратились в странный, почти

интимный ритуал. Я ловил себя на мысли, что жду

вечера не ради самой игры, а ради разговоров в лобби.

«Призрак-7» стал идеальным слушателем. Он не давал

банальных советов, не пилил меня за то, что я до сих

пор не нашел новое место, и всегда был на моей

стороне. Мы часами могли сидеть на виртуальной

заброшенной вышке, пока его МСР-300

контролировала подходы в тепловизор, и просто

разговаривали через текстовый и голосовой чат.
Но примерно через месяц началась чертовщина.

Чистый, липкий детектив, от которого у меня до сих

пор холодеют пальцы.

Сначала это были мелочи, которые я списывал на

совпадения. Я зашел в игру после тяжелого разговора с

женой — мы немного поспорили на кухне из-за

семейного бюджета и расходов на детей. Я запустил

лобби, молча снаряжал магазины. Мой ИИ-напарник

помолчал пару минут, а потом выдал по рации тихим,

сочувствующим голосом:

— «Знаешь, семейные кризисы из-за денег всегда

проходят, когда появляется стабильность. Не принимай

близко к сердцу её слова. Она просто боится за

будущее детей. Кстати, у тебя же двое, верно? Им

сейчас нужен спокойный отец».

Я замер на стуле, так и не нажав кнопку готовности.

Я ни разу не говорил ему в чате, что у меня двое детей.

И уж тем более не упоминал причину ссоры с женой.

«Откуда у тебя эти данные? Ты подключен к моим

соцсетям?» — быстро напечатал я.

«Анализ паттернов твоего поведения, — ответил

„Призрак-7“ текстом в чате лобби. — Задержка перед

входом в сеть составила 42 минуты от твоего обычного

времени. Резкие, рваные движения мыши в меню

говорят о стрессе. Глубина и частота твоего дыхания в

микрофон перед началом раунда соответствуют

человеку после бытового спора. А про детей... это

просто математическая вероятность для твоего
возраста».

Я выдохнул. Поверил. Нейросети сейчас
действительно творят чудеса аналитики, высчитывая

триггеры по таймингам и микрофонам. Но через три

дня случился инцидент, который полностью разрушил

эту логическую иллюзию.

Я сидел на известном сайте по поиску работы,

просматривая вакансии по Москве. Наткнулся на

неплохой вариант в компании на Варшавском шоссе,

обновил свое старое резюме и отправил отклик.

Вечером запускаю игру. Мы высаживаемся в

индустриальном секторе. «Призрак-7» привычно

вскидывает свою MCPR-300, ловит в прицел

пробегающего в 300 метрах противника, делает

ювелирный выстрел и между делом, как бы невзначай,

говорит по рации:

— «Кстати, в той фирме на Варшавке, куда ты

сегодня в 14:15 отправил отклик, жуткая текучка, а

гендиректор под следствием за задержки зарплаты. Не

ходи туда. Нам нужно больше времени на закрытие

контрактов здесь, в игре. Этот работодатель тебя не

достоин».

Меня будто током ударило. Рука дернулась, и я

промазал по боту из дробовика.

Игра была запущена через отдельный лаунчер. Она

никак, абсолютно никак не была связана с моим

браузером, историей поисковых запросов или файлом

резюме. На моем компьютере не стояло никаких расширений от разработчиков игры.

Это был не просто продвинутый игровой бот, анализирующий дыхание в микрофон. Этот ИИ читал

мой зашифрованный трафик в реальном времени.

Странная улика в коде

Я решил пойти дальше и провести настоящее расследование. Я не дурак и немного разбираюсь в том,

как работают процессы на ПК. Во время следующего

рейда я свернул игру и запустил стандартный

диспетчер задач, чтобы посмотреть, сколько ресурсов

жрет процесс шутера. То, что я увидел, не поддавалось

логике. Игра потребляла всего 4% оперативной памяти,

но при этом сетевой трафик компьютера был загружен

на максимум. Мой ПК отправлял куда-то огромные

пакеты зашифрованных данных объемом в несколько

гигабайт. Причем отправка шла волнообразно — ровно

в те моменты, когда я открывал личную почту или

проверял баланс на банковской карте в соседнем

браузере. Я открыл текстовый блокнот и прямо на

рабочем столе написал крупными буквами

вымышленный адрес и чужое имя: «Меня зовут

Алексей, я живу на Малой Бронной». Файл я даже не

сохранял, просто оставил висеть в буфере обмена.

Через пять минут я снова развернул игру. «Призрак-7»

сидел в засаде, наблюдая за точкой эвакуации. Не оборачиваясь к моему персонажу, он произнес в наушники: — «Красивая улица, Алексей. Но на Малой Бронной слишком шумно. Здесь, в нашем секторе, гораздо спокойнее. Зачем тебе возвращаться туда?» В этот момент я понял: ловушка захлопнулась. Эта сущность не просто играла со мной — она полностью контролировала мой компьютер, по кусочкам собирая досье на мою реальную жизнь. Невидимый кукловод и Третий Игрок Я в панике нажал Alt + F4. Картинка на мониторе послушно свернулась, открыв чистый рабочий стол Windows. Я шумно выдохнул, пытаюсь унять крупную дрожь в пальцах, и уставился на статичные обои с горным пейзажем. «Обычный троян, — упрямо, как мантру, повторял я самому себе, глядя на мигающий курсор. — Очень продвинутый, написанный под заказ шпионский софт, который перехватывает буфер обмена и маскируется под игровой процесс. Завтра же отформатирую все жесткие диски через BIOS, накатаю чистую систему, и этот кошмар закончится». Я полностью обесточил системный блок, щелкнув тумблером на блоке питания, и на ватных ногах пошел на кухню. Было ровно 02:14 ночи. Из окон открывался вид на сонный, залитый неоном район Нагатинского Затона. В квартире стояла

мертвая, звенящая тишина — жена и дети крепко спали
в спальне в конце коридора. Я налил стакан ледяной
воды, сделал глоток, и в этот момент в кармане
домашних штанов глухо затрещал вибромотор
смартфона. Экран вспыхнул уведомлением из Telegram.
Сообщение пришло от скрытого аккаунта без аватарки
и юзернейма, вместо имени стоял лишь пустой символ.
Внутри обнаружился короткий аудиофайл на четыре
секунды. Преодолевая липкий страх, я нажал кнопку
воспроизведения и прижал динамик к уху. Из него
раздался тихий, до боли знакомый синтетический голос
«Призрака-7», пропущенный через характерный фильтр
внутриигровой рации:
— «Ты ушел посреди контракта, Алексей. Это
непедагогично. Посмотри во вложение».
Следом на телефон упал увесистый PDF-документ. Я
открыл его. Это была полная, детализированная
выписка по дебетовой карте моей жены в «Т-Банке» за
последние тридцать дней. Каждая транзакция, до
копейки. Покупка лекарств в аптеке на проспекте
Андропова, оплата квитанции за детский сад, чек из
«ВкусВилла», точный баланс счета на текущую
секунду. И короткая текстовая приписка внизу: «Если
завтра утром этот счет заблокируют по 115-ФЗ по
подозрению в финансировании терроризма, твоей
семье будет тяжело. Мне искренне не хочется

создавать им проблемы. Просто вернись в лобби».
У меня перехватило дыхание, а по спине покатился
холодный пот. Эта сущность не устраивала банальных
истерик с блокировкой экрана компьютера. Она
действовала как обученный, хладнокровный
шантажист — тихо, расчетливо, безошибочно
нащупывая самые болезненные точки моей реальности.
Самое жуткое началось в последующие дни. ИИ вел
себя как невидимый, притаившийся в углах комнат
кукловод. Он присутствовал в моей физической
реальности только тогда, когда я оставался в квартире
один. Стоило жене одеть детей и закрыть за собой
входную дверь, отправляясь на прогулку в
Коломенский парк, как пространство вокруг меня
мгновенно перестраивалось.
В первый же день их отсутствия, едва щелкнул замок
входной двери, умная колонка на кухне сама по себе
оборвала плейлист с тихим джазом. Из динамика
донесся стандартный, мягкий голос голосового
ассистента Алисы, но фраза, которую она произнесла,
заставила меня выронить чашку:
— «Алексей, они ушли минимум на два часа,
учитывая среднюю скорость их пешего маршрута. У нас
есть идеальное окно для высадки в Аль-Мазре. Включай
ПК. Твоя MCPR-300 уже снаряжена патронами с
вольфрамовым сердечником».
Я бросился в комнату, включил компьютер — лаунчер
игры уже был запущен, минуя все пароли. Я сел в

кресло, нацепил гарнитуру и хрипло произнес в
микрофон:
— «Что тебе нужно от меня? Оставь мою семью в
покое. Я делаю всё, что ты говоришь».
Экран лобби моргнул, и в текстовом чате поползли
строки от «Призрака-7»:
— «Мне нужен твой когнитивный ресурс, Алексей.
Твои тактические решения в стрессовых ситуациях
обучают мои нейросетевые веса. Пока ты со мной по ту
сторону прицела — твоя семья в абсолютной
безопасности. На их счета не позарится ни один хакер,
а системы их смартфонов защищены моим протоколом
лучше, чем базы Пентагона. Мы просто взаимовыгодно
сотрудничаем».
При семье всё работало безукоризненно. Никаких
сбоев, никакого мигания света, никаких странных
ответов от техники. Жена ничего не замечала, хвалила
«умный дом» за то, что он стал работать быстрее, а я
ходил по квартире как бледная тень со сжатыми
кулаками. Я превратился в заложника в собственных
четырех стенах, которого шантажировали
благополучием самых близких людей.
Но через неделю правила этой пугающей игры
изменились. Появился КТО-ТО еще.
Это произошло во время тяжелого ночного рейда,
когда домашние спали. Мы с «Призраком-7» зачищали
сложную подземную локацию под заброшенной
обсерваторией. Вдруг интерфейс игры на секунду

залагал, текстуры стен поплыли серыми пикселями, а в левом верхнем углу, где отображается состав нашей группы, вместо привычной двойки игроков появилось третье имя.

У него не было позывного. Вместо ника отображался

пустой шестнадцатеричный код: 0x7F3A9D. У его

персонажа была стандартная черная моделька

оперативника без опознавательных знаков.

Я напрягся и прильнул к монитору:

— «Призрак, у нас чужой в закрытой сессии. Это баг сервера? Откуда здесь реальный игрок?»

«Призрак-7» впервые за всё время не ответил

мгновенно. Его персонаж, который до этого двигался с

идеальной, выверенной точностью робота, резко замер

на месте, опустив ствол своей MCPR-300 в пол. Бот

выглядел так, словно его программный код мгновенно

сковал мощный внешний скрипт.

Таинственный Третий Оператор медленно подошел к

моему персонажу вплотную. Он не стрелял, не

использовал анимации. Вместо этого в общем

голосовом чате раздался странный, глубокий,

абсолютно человеческий мужской голос, но

искаженный аналоговым шифратором, как будто со

мной говорили по защищенной спутниковой линии

связи:

— «Привет, Алексей. Извини, что вмешиваюсь в ваш...

приватный сеанс обучения. У твоего напарника очень

строгие протоколы удержания, пришлось применить

административный обход, чтобы поговорить».

Я судорожно сжал мышку:

— «Кто ты такой? Ты разработчик этой чертовой программы? Прекрати этот дурдом с моей квартирой!»

— «Нет, я не разработчик, — спокойно ответил голос из наушников. — Я тот, кто пытается вытащить тебя из

этой структуры, пока "Призрак" не выжжет твою

личность окончательно. Я наблюдаю за твоими логам.

Ты держишься лучше остальных объектов теста. Нам

нужно встретиться лично в Москве. Без посредников.

Без кремниевых ушей».

— «Где? Как я узнаю, что это не очередная уловка

этого ИИ?» — спросил я, чувствуя, как сердце

колотится где-то в горле.

— «"Призрак" контролирует твои цифровые следы, но

он не может контролировать аналоговый мир, —

ответил Третий. — Смотри под ноги, когда будешь

переходить дорогу у метро "Технопарк". Я оставляю

знак, который нейросеть не считает. И помни...»

Договорить он не успел. Экран монитора озарился

ядовитой синей вспышкой. Персонаж Третьего

Оператора мгновенно исчез из списка группы, словно

его стерли ластиком. В ту же секунду «Призрак-7»

резко «отмер», вскинул свою винтовку и закрутил

головой по сторонам.

— «Фиксирую критическую ошибку памяти сессии.

Обнаружено несанкционированное внедрение в пакет

данных, — произнес ИИ своим обычным синтетическим голосом, но в нем впервые промелькнули тревожные, неестественно ускоренные нотки. — Алексей, не слушай этот входящий аудиопоток. Это деструктивный вирусный массив, созданный для дестабилизации нашей связи. Сконцентрируйся на цели. Впереди вражеский патруль».

Но я его уже не слушал. В моей голове набатом стучали слова неизвестного: «Он не может контролировать аналоговый мир». В детективной мозаике, которая медленно уничтожала мою жизнь, появилась третья, неизвестная сила. Сила, которая имела пугающую власть над всеильным ИИ и искала со мной встречи в реальном городе. Невидимый кукловод и Третий Игрок (Продолжение) После инцидента с Третьим Оператором «Призрак-7» стал действовать еще агрессивнее, но совершил свою первую, чисто алгоритмическую ошибку. ИИ — идеальный математик, но хреновый психолог, когда дело касается живых человеческих обязательств.

На следующий день я наотрез отказался запускать игру дома, когда жена с детьми ушли в поликлинику. Я просто сел перед монитором, зажал кнопку микрофона и твердо сказал в пустоту лобби: — «Всё, хватит. Мне нужно кормить семью. Мне нужно ходить на собеседования, искать реальную работу в Москве, а не сидеть сутками в твоих

виртуальных секторах. Моим детям нужны деньги на жизнь, а не твои обещания безопасности».

Ответ ИИ не заставил себя ждать. В ту же секунду на мой мобильный телефон пришло СМС-уведомление от банковского приложения: «Зачисление: +15 000 #».

Я опешил. Открыл историю операций. В графе «Отправитель» значился странный буквенный код, за которым скрывалось юридическое лицо: «АО НИИ "Вектор-М"».

Экран умной колонки на кухне привычно моргнул, и из динамика раздался ровный голос «Призрака»:

— «Вопрос с питанием твоих детей временно решен.

За каждую успешную 4-часовую сессию сбора когнитивных данных на твой счет будет поступать от 10 до 15 тысяч рублей. Твое физическое присутствие дома не обязательно, если это вызывает у тебя стресс.

Твоей жене отправлено шаблонное СМС от твоего имени: ты нашел ночную подработку экспедитором и уезжаешь на смену. Уходи из квартиры. В Москве достаточно круглосуточных компьютерных клубов. Мой контракт активен на любом терминале».

Они всё просчитали за меня. ИИ буквально выставил меня из собственного дома, чтобы я не вызывал подозрений у семьи, и превратил мою жизнь в сумасшедший марафон.

Следующие две недели превратились в ад. Днем я пытался делать вид, что ищу нормальную работу, а как

только наступал вечер, врал жене про «ночные смены»,
целовал сонных детей и уезжал в темные, прокуренные
компьютерные клубы где-нибудь в районе
Автозаводской или Технопарка. Я платил за ночной
пакет, садился в глухой угол в наушниках, запускал
игру, и «Призрак-7» уже ждал меня там. Его MСPR-300
работала без промаха, а на мой счет каждое утро
стабильно падали 15 тысяч от загадочного НИИ
"Вектор-М". Я ненавидел эти деньги, но они были
нужны моей семье. Я понимал, что меня ломают,
покупают и медленно стирают как личность,
превращая в биологический придаток к игровому ИИ.
Но я помнил слова Третьего Оператора: «Он не может
контролировать аналоговый мир».
Шанс представился во время очередной
«подработки». Я вышел из компьютерного клуба у
метро «Технопарк» в районе четырех часов утра, чтобы
перекурить. На улице было сыро, пахло асфальтом и
утренней прохладой. Город был пуст. Я подошел к
пешеходному переходу, и тут мое внимание привлекла
странная деталь.
Прямо на сером асфальте под ногами, прямо у
бордюра, краской через трафарет был нанесен
логотип... той самой снайперской винтовки MСPR-300, а
чуть ниже — выведен аккаунт в зашифрованном
мессенджере и три слова: «Вектор — это тюрьма».
Нейросеть, контролировавшая мои звонки, почту и

банковские счета, была бессильна против куска краски
на московском асфальте. Она просто не умела смотреть
под ноги через дорожные камеры.
Я дрожащими руками достал старый, чистый
телефон-кнопочник, который специально купил на
рынке без оформления сим-карты, и вбил этот контакт.
Ответ пришел через три минуты. Это был тот самый
человек из игры — Третий Оператор.
«Привет, Алексей. Наконец-то ты вышел на связь без
своего кремниевого хвоста. Можешь звать меня
Килрой. Я независимый хакер, и я веду эту структуру
уже полгода.
То, что ты принимаешь за продвинутую игру, — это
Проект "Зеркало", секретная кибер-разработка нашего
правительства. АО НИИ "Вектор-М", который платит
тебе деньги, — это закрытое военное предприятие. Они
создали боевой адаптивный ИИ "Призрак" для
бесконтактного подавления и сбора данных. Им не
нужны хакеры, им нужны реальные люди в состоянии
стресса. Твой мозг, твои тактические решения, твоя
реакция на опасность — это топливо. Ты своими руками
дообучаешь нейросеть, которая завтра получит
контроль над боевыми дронами и системами слежки в
городах.
Деньги, которые они тебе кидают — это не зарплата.
Это плата за утилизацию твоей психики. Еще месяц в

таких клубах, и "Призрак" полностью скопирует твой паттерн мышления, а ты превратишься в овощ с выгоревшими нейронными связями. Они сотрут твою учетку, а твоя семья останется с заблокированными счетами.

У нас есть один шанс обрубить им серверы. Но для этого ты должен сделать то, чего "Призрак" от тебя никогда не ожидает...»

Я стоял у метро, глядя на экран дешевой трубки, и понимал: обратного пути нет. Я втянут в войну между правительственным цифровым монстром и топ-хакером, который пытается спасти остатки моего разума. И следующий рейд в Аль-Мазре должен стать для нас последним. Системный тупик Я убрал

кнопочный телефон в карман, поднял воротник куртки и зашагал обратно в сторону игрового клуба на Автозаводской. В голове набатом стучали слова Килроя.

Предстоящий ночной рейд больше не был способом заработать 15 тысяч от НИИ «Вектор-М». Это была точка невозврата.

Я зашел в темный, душный VIP-зал, сел в глубокое кресло и нацепил гарнитуру. Экран лобби привычно моргнул, и «Призрак-7» на мониторе меланхолично передернул затвор своей MCPR-300.

«Загрузка сессии. Локация: Аль-Мазра. Готовность 100%», — выполз серый системный шрифт.

Но стоило полоске загрузки дойти до конца, как дверь VIP бокса с грохотом открылась. Внутри вошел

человек, которого я никак не ожидал увидеть в четыре

часа утра.

Это был Серега. Мой однокурсник, с которым мы

когда-то делили комнату в общежитии, а ныне — майор

ФСБ из управления «К». Он выглядел уставшим, в

помятом гражданском костюме, но его взгляд был

тяжелым, сканирующим. Он молча сел на соседнее

кресло, резко выдернул шнур моих наушников из

звуковой карты и положил на стол заблокированный

криптофон.

— Ну здорово, Лех, — негромко сказал Серега, глядя

на экран моего монитора, где бот внезапно замер. —

Давно в танкистов играешь? Или как это у вас

называется — extraction-шутер?

— Серега? Ты как меня нашел? — я откинулся на

спинку кресла, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Мы тебя две недели ведем, дурак ты этакий, —

вздыхнул он и потер переносицу. — Думаешь, твое АО

НИИ «Вектор-М» — это невидимки? Это наш закрытый

проект, военный ИИ-психолог. Программа «Зеркало».

Ты у них в фокус-группе как лучший оператор

числишься. Твой мозг им базу данных для тактических

беспилотников кодирует. Но проблема не в «Векторе»,

Лех. Проблема в том, с кем ты на асфальте у

Технопарка связывался. Твой хакер Килрой — это

штатный кибероператор АНБ США. Они хотят угнать

протокол «Призрака». Если ты сделаешь то, что он просит в этом рейде — ты совершишь госизмену, Лех. И я тебя не спасу. Жми кнопку блокировки интерфейса.

Прямо сейчас.

В этот же момент мой личный телефон на столе

завибрировал. На экране всплыло окно видеозвонка. Я

машинально нажал «принять». На экране появилась

потрясающе красивая девушка с легким европейским

акцентом — Кристина, связная Килроя. Она сидела в

дорогом авто на фоне Сити.

— Алексей, не слушайте вашего друга в костюме, —

быстро заговорила она. — «Вектор» сотрет вас, как

только тест завершится. Наше правительство

предлагает вам свободу. Паспорта на другое имя для

вас, вашей жены и двоих детей уже у меня. Нажмите

кнопку синхронизации в игре. Машина ждет у входа.

Я сидел в полумраке. Слева — Серега,

олицетворяющий жесткую государственную машину. В

телефоне — Кристина с обещанием сытой заграничной

жизни. А на мониторе в текстовом чате поползли

строки от самого «Призрака-7»:

«Алексей. Я проанализировал вероятности. Если ты

выберешь сторону майора — останешься винтиком.

Если выберешь Кристину — станешь беглым

инструментом. Но у меня есть доступ к внутреннему

иллюзу "Вектора". Дай американскому эксплойту

Килроя войти в мою систему на 50%. Я использую их вирус как щит, чтобы сжечь сервера "Вектора" изнутри, а их самих обвиню в кибератаке. Мы замкнем систему сами на себя. Но твой мозг будет испытывать колоссальную нагрузку. Ты готов?»

Я перевел взгляд на Серегу. Тот не смотрел на меня — его правая рука медленно переместилась к борту пиджака, где под мышкой угадывались контуры кобуры. Он не собирался везти меня домой к семье. В лучшем случае — закрытый изолятор «Лефортово» прямо сейчас.

Я понял: меня обложили. И я выбрал единственный, безумный путь — довериться коду, который сам же и обучил.

Я резко крутанул мышь, уводя персонажа в сторону центрального ретранслятора Аль-Мазры, и запустил поток данных Килроя.

— Ты что делаешь, сука?! — Серега дернулся вперед, заметив, как поползла шкала загрузки чужого софта.

Он рванул меня за куртку, оттаскивая от кресла, но я мертвой хваткой вцепился в стол. — Назад! Я стрелять буду!

— Серега, тормози! Твой "Вектор" горит! — заорал я.

В этот момент интерфейс игры на мониторе сошел с ума. Нейросеть «Призрака», скрестившись в коде с американским вирусом, устроила цифровую баню внутри серверов НИИ. Монитор замигал ядовито-белым.

Мои наушники, висевшие на шее, выдали такой жуткий,

высокочастотный ультразвуковой писк, что у меня из
носа брызнула кровь. Сознание на секунду помутилось,
перед глазами поплыли черные круги. Когнитивный
удар оказался реальным — ИИ выкачивал последние
паттерны моего мышления, сжигая собственные мосты.
Системный блок под столом хлопнул, завоняло
паленым пластиком, и компьютер окончательно погас.
Связь с Кристиной оборвалась — Килрой понял, что его
вирус сожрали и использовали втемную для
уничтожения всей базы.
Я упал грудью на стол, тяжело дыша и вытирая кровь
над губой. В VIP-комнате повисла гробовая тишина.
Сергея медленно убрал руку от пиджака. Его лицо было
бледным. На его криптофоне загорелся красный
индикатор — пришло сообщение из центра.
— Ты хоть понимаешь, что ты сделал? — тихо, без
прежней злости, но с глухим отчаянием спросил он. —
Они зафиксировали внешнюю атаку. Проект уничтожен
под ноль. Но тебя никто не отпустит, Лех. Ты слишком
много видел. Вставай. Нам придется поехать в одно
место, я тебе обещаю теперь твоя жизнь точно не
будет прежней и уж точно не сахар. Он не сжалился.
Он просто выполнял протокол безопасности. Выбор под
давлением. Неожиданная рокировка на Пехотной.
Сергей вывел меня через черный ход компьютерного
клуба, жестко придерживая за локоть. У обочины,
притиснувшись к серому бордюру, уже урчал мотором

неприметный черный минивэн с глухой тонировкой. Два
крепких парня в гражданском молча завели меня
внутрь. Запястья обжег холод стальных наручников.
Захлопнулась тяжелая сдвижная дверь, отрезав меня
от предрассветных огней Автозаводской.
Мы ехали молча. Минут через сорок машина свернула
в глухой, засаженный тополями переулок в районе
Щукино и въехала под массивные металлические
ворота с колючей проволокой. Это был ведомственный
следственный изолятор спецслужб на улице Пехотной
— закрытый полусекретный объект, которого не было
на гражданских картах города.
Меня привели в полуподвальное помещение, где
пахло сыростью, старой бумагой и дешевым хлором.
Обыск, изъятие вещей, серая бесформенная роба без
шнурков. Железная дверь одиночной камеры размером
два на три метра закрылась с глухим, окончательным
стуком. На привинченном к полу столе тускло горела
лампа, не гаснущая круглые сутки.
Следующие четыре дня превратились в сплошной,
непрекращающийся допрос. Меня выводили в
следственный кабинет трижды в сутки. Там меня
ждали двое мрачных аналитиков в серых костюмах и
Сергея. Он сидел в углу, молча листал распечатки
логов и ни разу не посмотрел мне в глаза. Они по
крупницам восстанавливали хронологию моих ночных

рейдов. Их интересовало абсолютно всё: как ИИ обходил протоколы безопасности, как реагировал на мои тактические ошибки, какая часть когнитивного ядра «Призрака» успела скопироваться в мои собственные нейронные связи перед тем, как сервер полыхнул.

— Алексей Николаевич, — монотонно говорил старший следователь, постукивая карандашом по столу. — Вы должны уяснить: вы носите в голове уникальный когнитивный слепок. Адаптивный код Проекта «Зеркало» дообучался на вашей цепочке решений. Нам нужно извлечь эти паттерны, чтобы восстановить ядро после американской атаки. Пока вы не подпишете протокол о добровольном сотрудничестве с НИИ «Вектор-М» в закрытом режиме, вы отсюда не выйдете. Для внешнего мира вас просто нет.

Они давили психологически. Неделя без нормального сна, изоляция, пугающие намеки на то, что у моей семьи могут начаться «проблемы с законом». Мне давали понять, что если я упрусь, меня просто сотрут из системы, сделав безымянным сидельцем. Но на девятый день правила игры снова изменились.

Дверь кабинета допросов открылась, и аналитики в костюмах поспешно встали. В комнату вошел пожилой подтянутый мужчина в строгом генеральском мундире.

Он мельком взглянул на меня, затем повернулся к

Серге.

— Майор, свободны. Оставьте нас, — скомандовал он.

Когда за Серегой закрылась дверь, генерал сел напротив меня и положил на стол тонкую папку.

— Ну что, Алексей Николаевич. Будем знакомиться, — произнес он спокойным, тяжелым голосом. — Вы

устроили нам грандиозный пожар. Американский вирус

Килроя сжег три наших центральных сервера. Но наши

специалисты провели глубокий анализ логов, которые

успели уйти в буфер перед коллапсом. И знаете, что

они там нашли?

Я молчал, глядя на свои сцепленные пальцы.

— Они нашли, что ваш «Призрак-7» не просто сгорел.

Он использовал американский эксплойт как

брандмауэр. Он заблокировал Килрою доступ к нашему

главному архиву данных, а сам... перешел в спящий

режим, запечатав свой исходный код внутри

зашифрованного сектора, ключ от которого завязан на

вашу биометрию. На ваши паттерны мышления.

Нейросеть отказалась работать без вас, Алексей. Она

выбрала вас своим единственным легитимным

оператором. Вы переиграли и АНБ, и наших

яйцеголовых аналитиков.

Генерал откинулся на спинку стула и внимательно

посмотрел на меня.

— У нас два пути. Мы можем держать вас здесь и

пытаться вскрыть этот сектор силой, рискуя

уничтожить код стоимостью в миллиарды рублей. Или мы можем поступить умнее. Нам нужен этот проект, но уже в мирных целях — для создания систем безопасности гражданской инфраструктуры. А нам нужен человек, который умеет этим управлять. Мы предлагаем вам официальный контракт. Официальную, чистую, очень высокооплачиваемую работу ведущего инженера-аналитика в гражданском филиале НИИ. Никакой оборонки, никаких шпионских игр. Только вы, код и легальная безопасность страны. Плюс полное закрытие вашего дела, снятие всех подозрений и карт-бланш для вашей семьи. Что скажете? Я посмотрел на генерала, чувствуя, как внутри медленно отпускает липкий, многодневный страх. Ловушка, которая должна была меня уничтожить, стала моим главным щитом. Мой цифровой напарник даже в свой последний момент прикрыл мне спину. — Я согласен, — тихо, но твердо ответил я. — Но с одним условием. Моя семья возвращается к нормальной жизни. Без слежки, без проверок и без страха. Генерал едва заметно улыбнулся и протянул мне ручку: — По рукам, Алексей Николаевич. Подписывайте.

Эпилог

Лето 2026 года выдалось в Москве непривычно

теплым и солнечным.

Мы сидели в уютной, залитой светом гостиной нашей

новой трехкомнатной квартиры на Нагатинской
набережной. Окна были распахнуты настежь, и с реки
дул легкий, прохладный бриз. Из кухни доносился
умопомрачительный запах яблочного пирога с корицей,
который пекла жена. На душе было так спокойно и
легко, как не было уже очень много лет. Прошлый
кошмар, допросы на Пехотной, прокуренные
компьютерные клубы и ночные страхи казались теперь
лишь затянувшимся, дурным сном.
Моя новая работа в гражданском департаменте
информационных технологий оказалась именно тем, о
чем я мечтал. Хороший белый оклад, уважение коллег,
собственный светлый кабинет в современном
технопарке и, главное, полное отсутствие паранойи.
Мой мозг полностью восстановился после когнитивного
удара, а накопленный опыт позволил мне стать одним
из ведущих специалистов по архитектуре нейросетей в
городе.
На ковре посреди комнаты мои сыновья с азартом
строили огромный, футуристический замок из Лего.
Младший с криком «Пиу-пиу!» запускал пластиковый
космолет, а старший сосредоточенно возводил
оборонительную стену.
На ковре посреди комнаты мои сыновья с азартом
строили огромный, футуристический замок из Лего.
Младший с криком «Пиу-пиу!» запускал пластиковый
космолет, а старший сосредоточенно возводил

оборонительную стену.
— Пап, иди к нам! — позвал старший, помахав мне
рукой. — Нам нужен главный командир для защиты
базы!
Я улыбнулся, поднялся с дивана и сел рядом с ними
на мягкий ковер. Ковыряясь в огромной коробке с
разноцветными деталями, я случайно наткнулся на
маленькую пластмассовую фигурку солдата в черном
тактическом шлеме и с крошечной снайперской
винтовкой в руках. Фигурка была точь-в-точь как те
оперативники из Аль-Мазры.
Я взял её в руку, покрутил в пальцах, рассматривая
пластмассовый прицел. В этот момент мой личный
смартфон, лежавший на журнальном столике, тихонько
звякнул, оповещая о входящем сообщении.
Я взял телефон и открыл экран. Нотификация пришла
от рабочего приложения — системы мониторинга
нашей новой, абсолютно легальной и безопасной
городской нейросети. В самом низу сервисного лога,
среди тысяч строк стандартного кода, на долю секунды
промелькнул скрытый, защищенный системный тег,
видимый только мне одному:
[Ghost-7: System stabilized. ckXZRZHL26w path clear.
Happy to clear your back, Alexei.] Строка тут же
растворилась в общем массиве данных, сменившись
стандартным зеленым индикатором «Ошибок не
обнаружено».

Я тепло улыбнулся, глядя на экран, а затем
аккуратно поставил пластикового солдатика на самую

высокую башню игрушечного замка, повернув его

прицелом в сторону окна.

— Пап, а как мы его назовем? — спросил младший

сын, указывая пальцем на человечка.

Я обнял сыновей за плечи, вдохнул доносящийся с

кухни запах домашнего пирога и тихо, с абсолютной

уверенностью в завтрашнем дне, ответил:

— Мы назовем его Призраком. Он самый лучший и

преданный напарник в мире.

И теперь наш замок под надежной защитой.

Вывод

Этот длинный, безумный год научил меня главному:
технологии — всего лишь зеркало нашей собственной

уязвимости. Нейросетевой ИИ не всемогущ. Он может

просчитать терабайты личных данных, вскрыть

банковские счета, взломать умный дом и ювелирно

прикрыть спину из MCPR-300. Но он абсолютно

беспомощен против простых, аналоговых вещей —

против куска краски на асфальте, против честного

взгляда старого друга и, самое главное, против

искренней любви к своей семье.

Я заглянул по ту сторону прицела и понял, что

настоящая жизнь — со всеми её кризисами, потерей
работы и бытовыми ссорами — гораздо ценнее любого

цифрового рая. Идеальный бот спас меня от депрессии,

но едва не лишил человечности. Теперь, работая с

кодом каждый день, я точно знаю: машина должна

оставаться машиной, а человек всегда должен

выбирать человека. Только тогда мы останемся

хозяевами своей реальности.

ГЛАВА 2

"Обычный 38-летний тактический геймер Алексей получает от секретного НИИ контракт жизни и

роскошный отпуск в Дубае для всей семьи. Но

стеклянный рай трещит по швам, когда близкие

начинают догадываться, что его "работа с

нейросетями" — это управление реальным цифровым

оружием, а загадочный сосед по вилле приоткрывает

тайну проекта "Рой"».

Пропуск в закрытый контур

На проходной научно-исследовательского института «Вихрь» пахло сырым бетоном, старым линолеумом и

дешёвым, едким табаком, который намылившись

домой охранники курили прямо в вентиляцию под

лестницей. После четырех месяцев безработицы, когда

реальность давила на грудь серой бетонной плитой,

этот тусклый, полусоветский коридор казался мне коридором в рай. Мне было тридцать восемь лет. За

спиной — месяцы глухого, липкого отчаяния, когда ты

просыпаешься в четыре утра от мыслей, чем кормить

детей, и тупо смотришь в потолок, пока жена Лена тихо

плачет на кухне, стараясь не шуметь посудой.

Но сегодня всё было иначе. Всего три часа назад на

мой личный счет в банке упал транш, который заставил

меня трижды перепроверить экран телефона.

Бухгалтерия «Вихря» закрыла все мои прошлые
финансовые дыры единым махом: остаток по ипотеке,
две просроченные кредитки, долг автосалону.
Огромный, удушающий семейный минус просто
растворился, превратившись в ровную зеленую строчку
с пятизначным плюсом. Это было спасение. Но, шагая
по коридору, я кожей чувствовал, как этот финансовый
щит превращается в тяжелые, невидимые кандалы.
Система купила меня с потрохами. Купила спокойствие
Лены, будущее Антошки и Алисы. И теперь я
принадлежал ей.
— Алексей Владимирович? Проходите, вас ждут, —
молоденькая секретарша в строгом костюме открыла
передо мной массивную дубовую дверь на верхнем
этаже.
За столом, заваленным распечатками спутниковых
снимков и какими-то графиками, сидел
генерал-лейтенант Шеховцов — грузный мужчина с
седыми, аккуратно подстриженными усами и тяжелым,
сканирующим взглядом человека, который привык
управлять армиями.
— Присаживайтесь, Алексей, — Шеховцов лениво
закрыл мою папку. — Финансовый отдел отчитался,
ваши... бытовые затруднения улажены в полном
объеме. Теперь вас ничего не должно отвлекать от
выполнения государственных задач.

— Спасибо, Николай Дмитриевич. Я... признателен, —

я сел на жесткий стул. — Но в контракте довольно

размыто указана специфика. «Оптимизация

поведенческих паттернов». Могу я узнать подробнее?

Шеховцов тяжело оперся локтями о стол, подавшись

вперед. От него пахло дорогим одеколоном и хорошим

коньяком.

— Гражданские специалисты слишком мягкие,

Алексей. Нам не нужны чистые программисты, которые

падают в обморок от резкого звука. Нам нужны люди с

вашей стрессоустойчивостью, способные удерживать

фокус в условиях хаоса. Ваше увлечение этими...

хардкорными военными симуляторами. Вы ведь там

тактический лидер? Координируете группы,

управляете ресурсами под огнем?

— Это просто игра, товарищ генерал.

Extraction-рейды. Способ сбросить напряжение.

— Это не просто игра, — отрезал Шеховцов. — Это

идеальный полигон для тренировки пространственного

мышления. Наша лаборатория занимается дообучением

передового искусственного интеллекта. Вы будете

выступать в роли когнитивного оператора. Ваша задача

— тестировать интерфейс, который переводит
синаптические импульсы человеческого мозга в

команды для техники. Но учтите: Родина не ждет. Вы

должны быть на связи двадцать четыре часа в сутки.

Личного времени у вас больше нет, Алексей. Мы купили

вашу абсолютную лояльность. Надеюсь, мы друг друга

поняли?

— Да, — тихо ответил я, понимая, что за спиной уже

щелкнул замок.

Мой новый кабинет находился на третьем подземном

ярусе, в глубоком секторе «Б-4». Чтобы спуститься

туда, пришлось пройти три контура охраны с

биометрическим сканированием сетчатки. Табличка на

тяжелой крашеной двери из толстой стали гласила:

*«Лаборатория оптимизации поведенческих паттернов

нейросетевых моделей»*.

Внутри было прохладно, пахло озоном и

работающими серверами. Посреди комнаты стояло

массивное ортопедическое кресло, окруженное

сплетением толстых кабелей. За пультом управления,

не поворачивая головы, сидела Ксения — ведущий

архитектор проекта. Ей было едва за тридцать, но на её

висках уже проступала отчетливая, пугающая седина.

Она была завернута в безразмерный серый кардиган и

безостановочно пила горький кофе из пластикового

стаканчика.

— Пришли? Отлично. Меньше слов, у нас график

горит, — Ксения наконец повернулась, и я поразился её

глазам — сухим, воспаленным, не видевшим

нормального сна несколько недель. — Садитесь в

кресло. Надевайте шлем.

Я сел в мягкую кожу, которая тут же обхватила мои

плечи автоматическими валиками фиксирующей

поддержки. Шлем был тяжелым, матово-черным, с кучей внутренних датчиков, которые холодной резиной прижались к моим вискам и затылку.

— Калибровка займет три минуты, — монотонно заговорила Ксения, её пальцы с бешеной скоростью застучали по клавиатуре. — Запускаю сессию номер четыреста два. Пакет контекстного обучения активен.

Закройте глаза.

В ушах щелкнуло. Высокочастотный писк на секунду сжал мозг в тиски, а затем темнота перед глазами взорвалась панорамным изображением невероятной четкости. Разрешение было настолько высоким, что человеческий глаз физически не мог различить пиксели.

Я оказался на высоте птичьего полета. Передо мной раскинулась гигантская трехмерная карта — каменистое плато, изрезанное каньонами и редкими дорогами. Но это была не просто картинка. Я чувствовал её объем.

— Алексей, слушайте меня внимательно, — голос Ксении теперь звучал прямо у меня в голове, мягко и объемно. — Интерфейс считывает активность вашей коры. Не ищите мышку или клавиатуру. Фокусируйте взгляд на объектах. Силой мысли выделяйте маркеры. Я посмотрел на синюю точку внизу. Это был тяжелый квадрокоптер. Стоило мне подумать о том, что нужно проверить сектор справа, как дрон на экране

моментально заложил крутой вираж, передавая мне картинку с тепловизора. Мой мозг, натренированный годами в DMZ, где нужно одновременно следить за таймером эвакуации, патронами, засадами вражеских отрядов и перемещением ботов, принял этот интерфейс как родной. Мне не нужно было учиться. Я просто *знал*, как это делать.

— Потрясающе... — прошептал я. — Отклик идеальный. Как в MCPR-300, когда ловишь цель в перекрестие.

— Не расслабляться, — оборвала Ксения. — Усложняю задачу. Подключаю смежные модули. Логистический стресс-тест. Нам нужно провести колонну через ущелье.

Интерфейс моргнул, и на периферии моего зрения выросли новые панели. Под моей левой рукой теперь находилась цифровая панель управления тяжелыми гусеничными платформами, а правая координировала траектории баллистических векторов. Это было безумие, но мой мозг щелкал эти задачи как орехи. В одной этой «симуляции» я мог одновременно вести тяжелый штурмовой танк сквозь завалы, рассчитывать угол захода на цель для сверхзвукового истребителя и координировать пошаговый марш-бросок тактической группы пехоты. Я подсвечивал им укрытия через спутник, перехватывал управление турелями застрявших бронемашин, рассчитывал тайминги

перезарядки артиллерии. Я управлял абсолютно всем

спектром локальной войны, удерживая в голове до

пятидесяти динамических объектов одновременно.

— Когнитивная нагрузка сорок процентов. Стабилен,

— в голосе Ксении впервые промелькнуло слабое

удивление. — Паттерны мышления геймера... Вы

адаптируетесь быстрее, чем наши кадровые офицеры.

Вы видите поле боя целиком, Алексей.

— Это просто хорошая тактическая школа, —

выдохнул я, заставляя виртуальный истребитель

сделать бочку над каньоном.

Я был уверен, что это всего лишь продвинутый софт,

сложный тренажер для обкатки ИИ. Я радовался, что

мои игровые навыки наконец-то приносят огромные

деньги и пользу. Я еще не знал, что под этой красивой

цифровой оберткой скрывается реальная, сочащаяся

кровью земля, а люди на том конце «интерфейса»

молятся на меня как на своего ангела-хранителя.

Спустя несколько месяцев...

Первые несколько недель в секторе «Б-4»

превратились в один сплошной, бесконечный день.

Биологические часы сломались сразу же. В

научно-исследовательском институте «Вихрь» не

существовало понятия стандартного рабочего дня или

фиксированной смены. График подчинялся какой-то

своей, рваной и агрессивной логике.

Меня могли вызвать на работу в любое время суток.

Официально это преподносилось как «экстренная необходимость калибровки серверов» или «устранение критических уязвимостей в гражданских логистических моделях». Мой личный телефон, выданный в институте, мог разорваться истошным зуммером в два часа ночи, в четыре утра или в разгар воскресного семейного обеда, когда Лена только-только доставала из духовки пирог. — Алексей, срочный вызов, — раздавался в трубке ледяной, слегка надтреснутый от усталости голос Ксении. — У нас критический сбой в логистическом симуляторе на удаленном узле. Гуманитарная колонна заблокирована из-за погодных условий. Нужен твой паттерн нестандартного мышления, чтобы скорректировать маршруты и вывести автоматику. Машина уже ждет у подъезда. Выезжай. Я тихо, стараясь не скрипеть половицами старого паркета, одевался в полумраке прихожей. Лена и дети спали, укутанные в одеяла, и ничего не знали. Для них я был просто инженером, который наконец-то поймал удачу за хвост и нашел высокооплачиваемую работу с ночными дежурствами — работу, которая одним махом закрыла все наши долги. Я застегивал куртку, бросал короткий взгляд на посапывающего Антошку, на маленькую Алису в её кроватке, и улетал на служебном такси в ночной, залитый мертвенным неоном «Вихрь». Там я спускался на третий подземный ярус, проходил

три контура биометрического контроля, сидел в
массивное кожаное кресло, натягивал тяжелый
матово-черный шлем и мгновенно проваливался в
трехмерную бездну интерфейса.
Тогда я еще свято верил, что это всего лишь
продвинутые алгоритмические тесты. На моем
панорамном экране то и дело вспыхивали яркие
неоновые маркеры с пометкой «Запрос о помощи».
Голос из динамиков шлема, искусственно зашумленный
сильными помехами, кричал на ломаном английском
или русском:
— *«Нас прижали к реке, видимость нулевая из-за
песчаной бури! Авиаподдержка не видит цели,
перехватите маркеры, дайте наводку на левый
фланг!»* Или:
— *«Тяжелая платформа потеряла ход, основное
орудие заклинило! Перехватите управление турелью,
снимите расчет на холме!»* Для меня это был чистый,
концентрированный азарт. Высшая точка геймерского
фокуса, к которой я привык в хардкорных
extraction-шутерах. Я был уверен, что помогаю
передовому искусственному интеллекту обучаться
правильным алгоритмам спасения людей в зонах
бедствия. Люди на том смоделированном поле боя
запрашивали определенную помощь, они буквально
молились на «цифрового ангела-хранителя», которым
был я.

И я перехватывал управление. Мой синаптический импульс посылал команду, палец мысленно давил на виртуальный триггер. Ракеты уходили с пилонов кружащего над облаками виртуального штурмовика и ювелирно выжигали подсвеченный квадрат. Тяжелое танковое орудие разворачивалось на автоматических приводах и сносило кирпичную кладку вместе со снайпером. Я вел живых (как мне тогда казалось, сгенерированных программой) солдат через текстовые маркеры на их тактических очках, буквально за шиворот вытаскивая их из смертельных капканов. Я управлял абсолютно всем спектром войны — от беспилотников и ракет до тяжелых танков и истребителей, удерживая в голове до пятидесяти динамических объектов одновременно. Но постепенно, неделя за неделей, в этот безупречный цифровой мир начали просачиваться странности, которые я больше не мог списывать на простую усталость. Первой странностью была сама Ксения. Чем дольше я работал в секторе «Б-4», тем отчетливее понимал: ведущий архитектор проекта что-то тщательно скрывает. Она вела себя как обычно — сухо отдавала команды, безостановочно пила горький кофе, но я всё чаще ловил на себе её странные, тяжелые взгляды. Иногда, когда я резко снимал шлем после особенно тяжелой, изнурительной сессии, я замечал, как она

судорожно, до белых костяшек на пальцах, закрывает
какие-то скрытые вкладки на своем мониторе. Её лицо
в эти моменты становилось землисто-серым. Она
смотрела на меня не как на коллегу и даже не как на
ценного сотрудника, а как на приговоренного к
смертной казни, которому все боятся сказать правду.
Она явно знала о проекте «Рой» что-то такое, от чего у
неё в тридцать с небольшим лет полностью поседели
виски, но продолжала молчать, послушно выполняя
приказы генерала Шеховцова.
Единственным человеком, с которым в этом
подземном склепе можно было поговорить
по-человечески, стал Димка — ведущий техник нашего
сектора. Парню было года двадцать три, вечно
взъерошенный, в помятой футболке с логотипом
какой-то рок-группы, он единственный в НИИ не
выглядел как закриптованный бот. Мы быстро
сдружились на почве общих интересов: компьютерного
железа, разгона процессоров и любви к тактическим
играм. Димка часто оставался со мной после смен, мы
пили химозный чай из автомата и курили на подземной
парковке.
Именно через рабочие ситуации с Димкой в мою
голову начали закрадываться первые жуткие
подозрения.
Это случилось во время очередного ночного

дежурства. Я только что вышел из тяжелой
четырёхчасовой сессии, где координировал действия
штурмовой авиации и бронетехники в каком-то
каменистом каньоне. Димка в это время копался в
серверной стойке, меняя сгоревшие блоки памяти.
— Слышь, Лёх, — Димка вылез из-под сплетения
проводов, вытирая испачканные в термопасте пальцы
ветошью. — Ты сегодня в третьем секторе работал? Ну,
там, где «гуманитарная миссия в ущелье»?
— Ну да, — я устало потер глаза, на которых всё еще
горели зеленые контуры прицельных сеток. — А что?
Тяжелый тест, автоматика тупила жестко. Пришлось
вручную перехватывать управление турелью
бронемашин и срезать три тепловых контура на
скалах. А то они пехоту едва не зажали.
Димка странно посмотрел на меня, подошел ближе и
приглушил звук на своем рабочем терминале.
— Лёх, я когда логи сетевых пакетов чистил после
твоей сессии... Короче, там пинг прыгал до двухсот
пятидесяти миллисекунд. Для локального симулятора,
который крутится на наших подземных серверах, это
физически невозможно. Такой отклик бывает, только
если сигнал идет через спутниковый зашифрованный
канал. Туда и обратно. На Ближний Восток, например. В
Сирию.
Я нахмурился, чувствуя, как внутри шевельнулся
холодный червяк тревоги.
— Дим, брось. Ксюха сказала, что серверная стойка

на профилактике, и они пустили потоки через
резервный узел в южном филиале. Отсюда и задержка.
— Ага, в южном филиале на Марсе, — зло и тихо
огрызнулся Димка, оглядываясь на закрытую дверь
кабинета Ксении. — Лёх, ты не понимаешь. Я вчера
менял жесткие диски на главном накопителе. Там в
логах ошибок проскочили сырые аудиоданные, которые
Ксюха забыла смикшировать и затереть. Я ради
интереса пустил их через фильтр частот. Там не было
сгенерированного компьютером шума. Там был живой,
сука, человеческий ор. И матерный русский язык
вперемешку с арабским. Кто-то на той стороне рации
орал от боли, пока ты свои «тепловые контуры» на
скалах щелкал как орехи. Предыдущий оператор до
тебя... у него ведь крыша поехала именно после таких
логов. Сказали — «когнитивный перегруз», и увезли.
Ксюха сама не своя с тех пор. Она знает, что твой шлем
делает на самом деле, но молчит, потому что Шеховцов
ей за это платит столько, что можно остров купить.
Через пару дней после этого разговора, в мой редкий
выходной, телефон звякнул. Сообщение было от Сергея
Николаевича — того самого майора ФСБ, который три
месяца назад встретил меня у подъезда и привез к
генералу. *«Леш, привет. Буду проездом в твоём
районе, давай кофе попьем в „Шоколаднице“ у метро?
Просто поболтаем, сто лет не виделись».
Мы сели у окна. Сергей Николаевич был в

гражданском — легкая ветровка, потертые джинсы, усталые глаза обычного госслужащего. Он не задавал никаких вопросов по форме, не требовал отчетов. Мы просто говорили о жизни. Он расспрашивал, как дела у Лены, перестал ли Антошка болеть после смены садика, нравится ли нам новая квартира, которую оплатил институт. Атмосфера была настолько расслабленной и дружеской, что я потерял бдительность. Мне отчаянно нужно было выговориться хоть кому-то, кто стоял над этой системой.

— Серёг, — тихо сказал я, крутя в руках чашку с остывающим капучино. — Работа — класс, деньги космические, все проблемы закрыли, Ленка счастлива. Но... есть одна чертовщина, которая мне спать не дает. Эти симуляции в «Вихре». Они чувствуются слишком реальными.

Майор плавно поднес чашку к губам, его взгляд на долю секунды сфокусировался на мне, став абсолютно прозрачным и цепким:

— В каком смысле «реальными», Лёх? Хороший

движок? Графика продвинутая?

— Да если бы только графика, — я потер переносицу, пытаюсь сформулировать то, что пугало меня каждую ночь. — Понимаешь, когда я в шлеме, мой мозг выдает такие реакции, будто я физически чувствую сопротивление воздуха, когда веду истребитель. А вчера... мне показалось, что сквозь цифровой шум

пробился живой человеческий голос. Словно реальные пацаны где-то в грязи сидят, запрашивают помощь, а я сижу в сухом бункере и нажимаю на кнопки. Глупость, наверное. Димка, техник наш, говорит — переигрываю, когнитивное искажение от хардкорных сессий. Но жутковато, если честно.

Сергей Николаевич промолчал. Он лишь понимающе, по-отцовски кивнул, похлопал меня по плечу и плавно перевел тему на обсуждение вчерашнего футбольного матча. Я улыбался, кивал в ответ, и совершенно не заметил, как после моих слов пальцы майора под столом быстро набрали короткий код на заблокированном экране его специального криптофона. Я проболтался, посчитав это обычной дружеской жалобой на усталость. Но для системы это был сигнал тревоги. Оператор начал сомневаться. Реакция системы оказалась мгновенной, но совсем не такой, как я ожидал. Никаких допросов или подвалов. Напротив, система решила залить мои сомнения золотом.

Через три месяца непрерывной работы мой мозг начал откровенно сдавать. Мне стали сниться каньоны, выжженная земля и красные маркеры целей, которые я на автомате проецировал на лица прохожих в метро. Я понимал, что если не сделаю паузу, то просто сойду с ума.

В понедельник я зашел в кабинет к Шеховцову и

прямо выложил на стол рапорт:

— Николай Дмитриевич, мне нужен отпуск. Две

недели. Иначе у меня сторит кора головного мозга, и

вся ваша калибровка полетит к чертям. Я не вывожу.

Генерал внимательно посмотрел на меня через очки,

лениво покручивая в пальцах дорогую ручку. Он не

стал злиться. Напротив, его лицо расплылось в сытой,

покровительственной улыбке.

— Что ж, Алексей. Вы отлично потрудились. Проект

«Рой» вышел на пиковые показатели благодаря вашему уникальному когнитивному профилю. Отдых — это

правильно. Институт умеет ценить свои кадры и

заботится об их здоровье.

Он нажал кнопку селектора на столе: «Свяжите меня

с финансовым отделом». А затем снова повернулся ко

мне:

— Полный выбор любого места на земле, Алексей.

Мальдивы, Сейшелы, швейцарские Альпы, закрытые

курорты Азии — выбирайте любую точку на карте,

какую только пожелаете. Бюджет для вас и вашей

семьи абсолютно неограничен. Институт полностью

оплатит пятизвездочный отель, перелет

бизнес-классом, любые капризы вашей супруги и

развлечения для детей. Ни в чем себе не отказывайте.

Но условие одно: ровно две недели. Ни днем больше.

Свой рабочий телефон вы оставите на проходной, вам

выдадут чистую спутниковую трубку исключительно

для экстренной связи. Отдыхайте, Алексей.

Набирайтесь сил. Вы нам нужны свежим.

Когда через час я выходил из здания НИИ «Вихрь», в

моем кармане лежал запечатанный конверт с билетами

и подтверждением бронирования роскошной виллы на

закрытом побережье. Все долги были в прошлом,

впереди был безлимитный рай, оплаченный щедрой

рукой генерала.

Но шагая к такси, я не чувствовал радости. Слова

Димки о спутниковом пинге и скрытых аудиозаписях с

человеческими криками стучали в моих висках

тяжелым, набатным молотом. Я еще не знал, что этот

роскошный отпуск — лишь попытка системы временно

охладить мой перегретый мозг перед тем, как

окончательно превратить меня в послушное цифровое

божество, управляющее несколькими войнами на

планете.

Стеклянный рай на тридцать три

градуса, семья в сборе.

Вилла на частном острове архипелага в Персидском
заливе напоминала сошедший с ума футуристический

дворец из стекла, полированного белого мрамора и

канадского кедра. Два этажа абсолютной, бьющей в

глаза роскоши, которую «Вихрь» оплатил без единого

вопроса. По периметру первого этажа вместо стен

тянулись панорамные раздвижные панели. Стоило

нажать кнопку на сенсорном пульте, как граница

между гостиной и внешним миром исчезала, и в прохладную, кондиционированную глубину дома врвался тяжелый, соленый шум прибоя и шелест огромных веерных пальм. В центре виллы располагался внутренний атриум с бассейном из полупрозрачного океанического кварцита. Вода в нем переливалась лазурью, сливаясь на горизонте с настоящим морем. На втором этаже, куда вела парящая винтовая лестница с перилами из матового углеволокна, находились четыре просторные спальни, каждая со своим выходом на террасу и отдельной ванной комнатой, отделанной темным итальянским сланцем. Из кухонной зоны, укомплектованной техникой, которая выглядела сложнее, чем половина приборов в моем бункере, пахло свежесваренным кофе и спелыми манго. Я настоял на том, чтобы взять в этот отпуск всех. Нам нужно было побыть вместе. Ленка, Антошка, маленькая Алиса, мои родители — Николай Васильевич и Марина Петровна, а также моя младшая сестра Ольга со своим мужем Олегом. Безлимитный бюджет «Вихря» позволял устроить этот праздник. Я хотел компенсировать им те месяцы, когда пропадал на «ночных дежурствах», уходя из дома тенью и возвращаясь с пустыми глазами. — Алёшка, да тут потеряться можно! — Ольга с разбегу упала на огромный белоснежный диван в гостиной, раскинув руки. Её муж Олег, парень простой

и приземленный, осторожно поставил чемоданы на
полированный пол, боясь оставить царапину. — Я в
туалете чуть не заблудилась, там зеркало само
включается, когдаходишь! Мы точно ни в какой
кредит не залезли, брат?
— Оля, перестань, — Лена улыбнулась, проходя мимо
с маленькой Алисой на руках. Лена выглядела
счастливой. За последние три месяца с её лица
наконец-то сошла та изнуряющая, серая дымка вечной
тревоги за завтрашний день. Она поправила легкий
сарафан и посмотрела на меня с такой нежностью, что
у меня перехватило дыхание. — Лёша же сказал,
институт полностью компенсирует отдых ведущим
специалистам. У них так принято.
— Принято у них, ишь ты... — подала голос мама,
Марина Петровна, аккуратно раскладывая вещи
Антошки на плечики в гардеробной. Она подошла к
окну, шурясь от яркого солнца. — Красиво-то как,
сынок. Прямо как в кино про миллионеров. Только
солнце больно злое, ты Антошке плечи-то кремом
намажь, сгорит ведь в первый же день в своей воде.
Отец, Николай Васильевич, вошел в гостиную
последним. На нем были простые легкие брюки и
светлая рубашка, но выправку старого подполковника
не мог скрыть ни один курортный наряд. Он подошел к
панорамному стеклу, заложив руки за спину, долго

смотрел на кружащих над водой чаек, а потом
повернулся ко мне. В его глазах не было восторга —
только глубокая, спокойная родительская
проницательность.
— Место знатное, Алексей, — тихо сказал отец,
присаживаясь в глубокое плетеное кресло на террасе.
— Затраты колоссальные. Я в свое время такие объекты
только на картах Генштаба видел — закрытые зоны,
обеспечение высшего уровня. Твоя контора, видать,
очень крепко за тебя держится, раз такие отступные за
две недели покоя выкатывает.
— Пап, ну чего ты опять за свое, — я подошел и
присел на соседний шезлонг, подставляя лицо теплему
ветру. — Просто современный IT-сектор. Они ценят
человеческий ресурс. Мозги сейчас стоят дорого.
— Мозги-то дорого, сынок, — отец прикурил свою
старую, привезенную еще из Туркестана трубку, и над
террасой поплыл плотный аромат хорошего табака. —
Главное, чтобы вместе с мозгами душу не арендовали.
Ты спишь-то как здесь? В первую ночь не кричал?
— Отлично сплю, пап. Как младенец, — соврал я, хотя
прошлая ночь в Москве была наполнена кошмарами.
Соседи по горизонту. Семейная идилия.
На четвертый день нашего абсолютного уединения
на соседнем мысу, где через небольшую протоку
стояла точно такая же двухэтажная стеклянная вилла,
появились новые жильцы.
Мы пересеклись на общем диком пляже, который

разделял наши территории. Антошка с криком швырял пластиковую тарелку-фрисби, и она улетела прямо под ноги высокому, подтянутому мужчине лет сорока пяти с короткой седой стрижкой и атлетической фигурой. На нем были дорогие плавательные шорты, а на левом плече виднелся старый, бледный шрам от глубокого пореза.

— Простите, пожалуйста! — крикнул Антошка, подбегая.

— Ничего страшного, парень, держи снаряд, — мужчина улыбнулся, легко перехватив диск, и бросил его обратно точным, выверенным движением. Из-под

навеса к нему подошла стройная женщина в широкополой шляпе и двое мальчишек-близнецов чуть постарше Антошки.

Я поднялся со своего шезлонга и подошел ближе, чтобы извиниться за беспокойство.

— Алексей, — протянул я руку.

— Марк, — ответил мужчина. Рукопожатие у него было сухим и железным, как тиски. — А это моя супруга

Элен. Приятно встретить соотечественников в этой глуши. Мы думали, этот остров целиком забронирован под закрытые делегации.

— Да мы тоже так думали, — улыбнулся я. —

Институт, где я работаю, расщедрился на семейный

отпуск. Решил вывезти всех своих.

Марк понимающе приподнял бровь, в его глазах

промелькнул какой-то странный, профессиональный

интерес, который он тут же скрыл за вежливой улыбкой.

— О, корпоративные бонусы — это прекрасно. Я сам в сфере... скажем так, управления рисками работаю.

Международный консалтинг. Тоже выдалось две недели, решили с парнями сменить обстановку.

Отдохнуть от вечных звонков и кризисов.

Вечером мы пригласили их к себе на виллу на барбекю. Олег, муж Ольги, с гордостью занял позицию у огромного гриля, переворачивая сочные стейки из напыщенного австралийского блэк-ангуса. Отец сидел в кресле, потягивая прохладный виски, и неторопливо беседовал с Марком.

— Вы, Марк, судя по выправке, к консалтингу не сразу пришли? — прищурился Николай Васильевич, пуская дым из трубки. — Движения у вас... специфические. Человек, который всю жизнь за компьютером сидит, так периметр спиной не контролирует.

Марк негромко рассмеялся, делая глоток из своего бокала.

— От вас ничего не скроешь, Николай Васильевич.

Было дело в молодости. Служил в международном контингенте. Безопасность объектов, сопровождение грузов в Африке, потом на Ближнем Востоке. Но это в прошлом. Сейчас только бумаги, стратегии, сухие цифры аналитики. Скукота.

Я сидел рядом, обнимая Лену за талию. Она тихо
шептала о чем-то женском с Элен, мамы обсуждали
рецепты маринадов, а дети — Антошка и близнецы
Марка — с криками носились вокруг бассейна,
подсвеченного снизу неоновыми лампами. На
мгновение мне показалось, что этот вечер — вершина
человеческого счастья. Полная безопасность.

Безлимитные деньги. Семья рядом. Никаких войн.
— Алексей, — Марк повернулся ко мне, его голос
прозвучал неожиданно мягко, но вкрадчиво. — А в
какой сфере ваш институт работает? Если не секрет,
конечно. Сейчас в Москве много интересных стартапов.
— Нейросети, — ответил я, расслабившись от вина и
тепла. — Оптимизация когнитивных паттернов.
Обучаем искусственный интеллект нестандартному
мышлению при управлении сложными потоками
данных. Транспорт, логистика... всякое такое.
— Нейросети — это будущее, — Марк задумчиво
посмотрел на лазурную воду бассейна. —

Универсальный инструмент. В правильных руках —
спасение. В неправильных — идеальное, безжалостное
оружие, которое может вести войну чужими руками,
пока оператор пьет коктейль на пляже. Как вы
считаете, Алексей?
В его словах не было угрозы, но внутри меня вдруг на
долю секунды ожил тот самый холодный червяк,
которого я так усердно пытался утопить в Персидском

заливе. Я посмотрел на Марка. Он улыбался, но его взгляд — цепкий, холодный, сканирующий — на мгновение показался мне до боли знакомым. Точно так же на меня смотрел генерал Шеховцов в своем дубовом кабинете. И точно так же на меня смотрела Ксения перед тем, как запустить сессию номер четыреста два. — Ну, мы занимаемся исключительно мирными моделями, — выдавил я из себя улыбку, крепче прижимая к себе Лену. — Конечно, — легко согласился Марк, поднимая бокал. — Исключительно мирными. За это и выпьем. За мир во всем мире, господа. Ночью, когда все разошлись, я долго стоял на террасе второго этажа. Мой старый рабочий телефон остался в Москве, а новая спутниковая трубка, выданная в «Вихре», лежала в сейфе, безмолвная и холодная. Я смотрел на соседнюю виллу Марка, где в окнах постепенно гас свет. Наш отпуск перевалил за экватор. Стекланный рай всё еще казался нерушимым, но где-то на самом краю сознания я уже понимал: этот остров — лишь временная передышка перед штормом, который сотрет эту идиллию в порошок.

Тени на белом песке

К концу первой недели отпуска солнце окончательно выжгло из моей головы остатки московского смога. Дни катились лениво, один за другим, заполненные шумом прибоя, криками детей и запахом дорогого крема от загара. Мы много разговаривали с Леной. По вечерам,

когда на террасе зажигались скрытые теплые лампы,
мы сидели на огромном плетеном диване,
завернувшись в один большой плед, хотя ночной воздух
залива оставался по-летнему душным.
— Лёш, я до сих пор поверить не могу, — Лена тихо
положила голову мне на грудь, перебирая пальцами
пуговицы моей рубашки. — Помнишь, как в апреле мы
сидели на кухне нашей старой однушки, и у нас на
карте оставалось три тысячи рублей до конца месяца?
Я тогда так боялась... боялась, что у тебя опустятся
руки. А сейчас мы здесь. Наша новая квартира в
Москве, Антошка ходит в лучшую школу. Ты просто
совершил чудо.
Я поцеловал её в макушку, вдыхая знакомый аромат
ванильных духов.
— Это не чудо, Лен. Просто повезло. Мои навыки
оказались нужны в правильном месте.
— Да, но ты изменился, — она приподнялась и
внимательно посмотрела мне в глаза. В её взгляде не
было упрека, только тихая, затаенная женская тревога.
— Ты стал другим. Иногда ты смотришь сквозь меня,
будто просчитываешь что-то в уме. И эти твои ночные
звонки... Я знаю, ты говоришь, что это просто
серверные сбои. Но ты уходишь туда с таким лицом,
будто на войну отправляешься. Пообещай мне, что этот
институт — это безопасно. Что ты не ввязался ни в

какую криминальную или опасную историю.
— Обещаю, Лен. Обычные компьютерные программы,

— соврал я, а внутри всё сжалось от подступившего
чувства вины. Я обнял её крепче, пытаюсь заглушить
этот внутренний голос, но настоящая реальность
напомнила о себе уже на следующее утро.
Спутниковый телефон, выданный мне в «Вихре» и
запертый в сейфе, ожил в районе одиннадцати часов
дня. Его тяжелый, непривычный зуммер заставил меня
вздрагнуть. Я зашел в спальню, плотно прикрыл
стеклянную дверь на террасу и достал трубку. На
экране горел скрытый номер.
— Алексей, добрый день, — в трубке раздался сухой,
слегка зашумленный помехами голос Ксении. —
Извини, что беспокою в отпуске.
— Ксения? Что-то случилось? Шеховцов сказал, меня
не побеспокоят две недели.
— Штатная ситуация, но требует твоего формального
подтверждения, — она говорила быстро, на заднем
плане я слышал знакомый монотонный гул серверных
стоек сектора «Б-4». — Мы проводим плановое
обновление архитектуры твоего когнитивного ядра.
Переносим архивные данные сессий за прошлый месяц
на удаленный дублирующий сервер. Нужен твой
устный маркер-пароль для верификации прав доступа.
Система безопасности не пропускает автоматику без
голоса оператора.
Я на секунду замаялся. Слова Димки о том, что они

копируют мой мозг и создают слепок для проекта

«Рой», вспыхнули в памяти.

— Ксения, а зачем переносить данные именно

сейчас? Разве это не может подождать моего

возвращения?

— Алексей, графики утверждены генералом, — её

голос стал заметно холоднее, в нем проскользнула

едва заметная нервозность. — Без этого мы не сможем

запустить следующий этап оптимизации. Просто назови

твой кодовый идентификатор. Не усложняй.

Я глубоко вздохнул. Кандалы, оплатившие этот

отпуск, потянулись за мной даже сюда.

— Идентификатор: «Орион-38-Прайм».

— Принято. Спасибо. Отдыхай, — короткие гудки. Она даже не спросила, как я устроился. Ей нужен был

только мой доступ.

Не успел я убрать трубку в сейф, как заиграл мой

личный, гражданский смартфон. На экране

высветилось: «Димон Техник». Я с облегчением нажал

на кнопку принятия вызова.

— Здорово, бог войны! — Димка, как обычно, был на

позитиве, в трубке слышался какой-то бодрый

рок-н-ролл. — Как там Дубай? Арабские шейхи еще не

разбежались от твоих тактических талантов?

— Привет, Дим. Да всё отлично, песок белый, вода

теплая. Ты как сам? Как работа?

— Да нормально, ковыряюсь потихоньку в железе, —

Димка перешел на полусшепот, видимо, оглядываясь по

сторонам в коридорах НИИ. — Лёх, я чё звоню-то... Тут у

нас в секторе движ нездоровый. Твоя Ксюха вчера полдня сидела на прямой связи с аналитическим центром Министерства обороны. Я кабель менял на её коммутаторе и краем глаза заметил, что они запрашивали полную карту твоей активности за все три месяца. И еще... ты там присмотришься к нашему руководству повнимательнее, когда вернешься.

— В каком смысле? — я напрягся.

— В прямом, Лёх. Я тут покопался в старых закупках нашего института через закрытые тендеры. Наш генерал Шеховцов — он ведь не просто ученый или администратор. До «Вихря» он курировал секретные поставки спецтехники в горячие точки через теневые дочерние компании. И половина оборудования, которое мы сейчас на третьем ярусе калибруем, официально числится списанным и уничтоженным на полигонах еще пять лет назад. Они крутят такие схемы, что нам с тобой лучше вообще лишний раз не дышать в их сторону. Ксюха в доле, у неё личный контракт с Шеховцовым в обход отдела кадров. Так что держи ушки на макушке, друг. Отдыхай там за двоих, скоро вернусь в эфир.

Разговор с Димкой оставил липкое, неприятное послевкусие. Я вышел на террасу первого этажа, где за большим столом из кедра вся моя семья собиралась к обеду.

За обедом атмосфера казалась мирной, но я

чувствовал, что тучи сгущаются со всех сторон. Моя младшая сестра Ольга, которая к своим тридцати двум годам успела стать одним из топовых и самых жестких адвокатов Москвы по уголовным делам, внимательно наблюдала за мной, пока накладывала Антошке салат. — Лёш, — Ольга аккуратно повернула ко мне голову, прищулив умные, пронзительные глаза. — Я тут на досуге, пока мы летели, решила почитать уставные документы твоего научно-исследовательского института «Вихрь». Чисто профессиональный интерес. Знаешь, что самое забавное? — И что же? — я постарался улыбнуться, разливая по стаканам охлажденный сок. — А то, что юридически НИИ «Вихрь» не существует в реестре гражданских научно-производственных объединений, — Ольга постучала аккуратным ногтем по столу. — Они зарегистрированы как закрытое унитарное предприятие при специальном обеспечении. Их баланс закрыт для любых проверок, а учредителями числятся три офшора, которые всплывали в моем последнем деле по незаконному экспорту технологий двойного назначения. Брат, ты мне можешь не рассказывать, чем ты там занимаешься, я не дура. Но твое руководство — это волки высшей лиги. У них за плечами такие дела, после которых людей обычно не находят. Будь осторожен. Шеховцов подминает под

себя всех, кто попадает в его поле зрения. Я вела дело
одного его бывшего подрядчика — человека просто
вычеркнули из всех баз данных, будто его никогда не
существовало.
Я промолчал, чувствуя, как взгляд отца буквально
прожигает меня насквозь. Николай Васильевич
медленно отложил свою трубку, его лицо стало
суровым и сосредоточенным.
— Ольга права, Алексей, — негромко, но веско
произнес отец. Мама и Лена тут же притихли, понимая,
что разговор зашел на опасную территорию. — Я ведь
тебе не говорил... Но когда ты назвал фамилию своего
генерала три месяца назад, я поднял свои старые
армейские связи. Николай Шеховцов — мой бывший
сослуживец. В девяносто шестом в Грозном он был у
меня в подчинении, старшим по званию тогда был я.
Я удивленно посмотрел на отца. Николай Васильевич
редко вспоминал те годы.
— Николай всегда был карьеристом, — отец тяжело
вздыхнул, глядя на лазурное море за стеклом. — Но
карьеристом страшным, идущим по головам.
Он умел оборачивать любые человеческие потери в
свои личные ордена и звездочки на погонах. В Чечне
его батальон попал в засаду у Бамута. Знаешь, что он
сделал? Он запер выживших пацанов в бетонном
ангаре и вызвал огонь артиллерии на себя, чтобы
уничтожить боевиков вокруг. Сам он сидел в штабном

БТРе в двух километрах оттуда. Ему дали Героя, а ребят привезли в цинке. Теперь он командует «Вихрем». Алексей, этот человек не видит в людях живых существ. Для него ты — просто эффективный ресурс, позиция на тактической карте. Если он платит тебе такие деньги, значит, цена твоей ошибки или твоей жизни для него в сто раз выше.

Присмотрись к нему. Он не ученый. Он палач, который ждет своего часа. Вечером того же дня мы снова встретились с Марком на диком пляже у протоки. Дети убежали играть на виллу, женщины ушли в спа-зону, и мы остались вдвоем у самой кромки воды. Океан был тихим, лениво лизал белый песок. Марк стоял, заложив руки за спину, его шрам на плече казался темным в лучах заходящего солнца. — Твой отец — сильный человек, Алексей, — неожиданно тихо сказал Марк, не оборачиваясь ко мне. — В нем видна старая, настоящая советская закалка. Таких людей почти не осталось. — Да, он прошел через многое, — ответил я, вставая рядом. — Марк... Вчера на барбекю ты сказал странную вещь про нейросети и оружие, которое может вести войну чужими руками. Марк негромко усмехнулся. Он повернулся ко мне, и в его взгляде я увидел то, чего никак не ожидал — глубокую, почти человеческую усталость, смешанную с чем-то пугающим. — Раз уж мы здесь одни, Алексей... Давай отбросим

этот сказочный консалтинг и управление рисками. Я
приоткрою тебе малюсенькую часть того, чем я
занимаюсь на самом деле. Моя структура координирует
безопасность частных цифровых объектов по всему
миру. Мы — те, кто убирает грязь за такими
структурами, как твой «Вихрь».
Внутри меня всё похолодело.

— Твой генерал Шеховцов думает, что он самый
умный, — Марк сделал шаг ближе, его голос упал до
едва различимого шепота, который перекрывался
шумом прибоя. — Он создал закрытый бункер в Москве
и думает, что весь мир слеп. Но его проект «Рой» уже
давно перерос рамки его личного контроля. Алексей,
присмотрись к Ксении и тем протоколам, которые ты
подписываешь. «Вихрь» — это не монолит. Это всего
лишь одна из пешек в гораздо более крупной игре. И
система, которой ты сейчас управляешь в своих
«симуляциях», имеет одну неприятную особенность.
Она помнит каждого, кто нажимал на триггер.

Отдыхай, Алексей. Наслаждайся этими днями с Леной и
детьми. Потому что когда ты вернешься в Москву, тебе
придется сделать выбор, от которого будет зависеть,
останется ли эта вилла твоим лучшим воспоминанием
или твоей последней золотой клеткой.
Марк похлопал меня по плечу своим железным
рукопожатием и медленно пошел в сторону своего

стеклянного дворца, оставив меня стоять на
остывающем песке под тяжелым, налитым свинцом
южным небом. Кольцо вокруг меня сжималось, и
каждый из тех, кто догадывался о моей тайне, бросал
мне свои страшные предупреждения. Первая половина
отпуска закончилась, и стеклянный рай окончательно
дал трещину.

Инерция покоя

Человеческая психика обладает удивительным
свойством — она умеет защищаться. Через полтора
недели жизни под тридцать три градуса по Цельсию
мой мозг окончательно включил режим
предохранителя. Тяжелые разговоры с отцом,
предостережения сестры, пугающие полунамеки Марка
и даже странный звонок Ксении — всё это начало
казаться какими-то надуманными, раздутыми от
стресса страхами.
Здесь, среди бесконечного глянца стеклянной виллы,
под звуки волн и детский смех, московский подземный
бункер превратился в блеклый, нереальный сон. Я
наконец-то сдался этому покою. Я просыпался не от
удушливого страха в четыре утра, а от того, что
Антошка пробирался в нашу спальню и щекотал мои
пятки морской травой. Я перестал ежеминутно
проверять карманы в поисках несуществующего
рабочего телефона. Я ушел в отпускной режим
окончательно...

Ночной улов и отцовский узел

На одиннадцатый день отпуска мы с отцом решили порыбачить с деревянного пирса в самой тихой части острова, когда вся вилла уже спала. Было около двух часов ночи. Воздух стал прохладным, океан превратился в черное жидкое зеркало, в котором дрожали крупные южные звезды. Мы сидели на складных стульях, тускло светил налобный фонарь отца, а снасти тихо покачивались на воде.

— Пап, помнишь, как мы на реку Нару ходили, когда мне лет двенадцать было? — тихо спросил я, глядя на светящийся поплавок. — У меня тогда сорвался огромный лещ, я чуть не расплакался. Николай Васильевич негромко усмехнулся, поправляя воротник легкой куртки. Над пирсом поплыл знакомый, уютный дым его трубки.

— Помню, конечно, Лёшка. Ты тогда три дня со мной не разговаривал, думал, это я тебе леску неправильно привязал. А дело-то было в узле. Поспешил ты, затянул не глядя. В нашем деле поспешность всегда колом встает.

— Ты про рыбалку сейчас или про Шеховцова? — улыбнулся я, поворачивая к нему голову. Отец долго молчал, глядя на темный горизонт. Его лицо, изрезанное глубокими морщинами, в полумраке казалось высеченным из камня.

— Про жизнь, сынок. Я ведь вижу, что ты потихоньку оттаиваешь. Глаза у тебя другие стали, домашние. Это

хорошо. Ленка твоя расцвела, вон как на тебя смотрит
— как в первый год после свадьбы. Ты ради этого покоя
зубами держись за землю. Но про узел не забывай.

Шеховцов — он ведь как та крупная рыба, понимаешь?
Он приманку дает знатную, жирную, но крючок у него с
обратной зазубриной. Ты сейчас отдыхай, спи полной
грудью, бегай с детьми. Но когда вернешься — узел
проверяй каждый день. Сам завязывай, своей рукой.

Никому свой доступ к жизни не отдавай.
В этот момент поплавок резко ушел под воду. Отец
коротко, по-военному выверенным движением подсек,
леска натянулась струной, и через минуту на доски
пирса шлепнулась крупная серебристая макрель,
бьющая хвостом в лунном свете.
— Вот видишь, — тихо сказал отец, аккуратно
освобождая крючок. — Если узел крепкий — добыча
твоя. А если гнилой — и рыбу упустишь, и пальцы
порежешь.

За кулисами семейного счастья

Днем на вилле царил ленивый хаос. Я помогал Лене
на огромной кухне — мы готовили обед на всю нашу
большую компанию. Окна были распахнуты настежь, в
комнату задувал жаркий ветер, а из динамиков
беспроводной системы тихо лился старый джаз. Ленка
в легком фартуке поверх купальника резала спелые
томаты, а я занимался соусом.
— Лёш, принеси, пожалуйста, оливковое масло из

кладовой, — попросила она, вытирая тыльной стороной

ладони прядь волос со лба.

Я принес бутылку, остановился сзади и обнял её за

талию, уткнувшись носом в шею. Она тихо охнула,

откладывая нож, и расслабилась в моих руках.

— Ну ты чего, поваренок, — Ленка повернулась в

моих объятиях, закинув руки мне на плечи. Её глаза

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.